

ДНЕВНИК СЕМИ АВТОРОВ

Ж

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский
Дневник семи авторов

«Автор»

2026

Северский А.

Дневник семи авторов / А. Северский — «Автор», 2026

Семь писателей приезжают в изолированную резиденцию «Белый мыс», чтобы завершить экспериментальный роман без указания авторства. По правилам каждый тайно продолжает общий дневник, а имена откроют лишь после финальной главы. Утром куратора Льва Арсеньева находят мёртвым в запёртом архиве, рядом — запись с признанием одного из участников. Специалист по документной речи Вера Алфёрова видит то, чего не заметили остальные: признание составлено из оборотов всех семерых. Оно не принадлежит ни одному голосу — и при этом каждый автор узнаёт в нём собственные слова. Пока буря отрезает дом от материка, Вера восстанавливает порядок вырванных страниц и выясняет, кто читал чужие записи, кто подменил чернила и зачем куратор создавал несуществующего восьмого автора. Но доказать подделку недостаточно. Семеро лгут не об одном преступлении, и самая опасная ложь спрятана в правдивой фразе, поставленной не на своё место.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Последний катер	6
Глава 2. Правило одной страницы	9
Глава 3. Восьмое место	12
Глава 4. Для того чтобы	16
Глава 5. Комната без ключа	19
Глава 6. Семь алиби	22
Глава 7. Признание каждого	25
Глава 8. Автор без имени	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Северский

Дневник семи авторов

От автора

Мы узнаём голос близкого человека не только по словам. По тому, где он делает паузу, что считает очевидным, какую подробность замечает первой и чего упорно не называет. Но узнавание ещё не доказательство, а убедительная история ещё не правда.

«Дневник семи авторов» — полностью вымышленный детектив о тексте, который принадлежит сразу нескольким людям, и об ответственности за контекст чужих слов. Методы Веры Алфёровой намеренно показаны как вероятностные: ни одна речевая особенность сама по себе не устанавливает автора или виновного. Разгадка возникает только там, где текстовая версия совпадает с материальными следами, временем и доступом.

Все персонажи, резиденция и обстоятельства преступления придуманы для этой истории.

Глава 1. Последний катер

Последний катер отходил без расписания. Капитан смотрел не на часы, а на серую полосу над водохранилищем и дважды спрашивал Веру Алфёрову, действительно ли ей нужно на остров сегодня.

— Завтра переправы может не быть, — сказал он.

— Поэтому сегодня.

Ответ прозвучал увереннее, чем она себя чувствовала. В телефоне оставалось сообщение Льва Арсеньева: «Нужен человек, который умеет отличать голос от маски. Приезжайте до полуночи. Никому не говорите зачем». Он прислал его утром, а потом перестал отвечать.

Катер нырнул между тёмными волнами. Беломыс возник через двадцать минут: островная скала, бывшая метеостанция и длинный дом с застеклённой галереей. Из воды поднималась башня старого маяка, хотя судоходный путь давно проходил западнее. Семь окон верхнего этажа горели ровно. Восьмое мигало от ветвей.

На причале Веру встретил мужчина в форменной куртке без фуражки. Он держал канат одной рукой, второй придерживал папку под курткой.

— Алфёрова?

— Да.

— Илья Руднев. Участковый по островам. Вы к писателям?

— К Арсеньеву.

— Это не ответ.

— Пока другого у меня нет.

Он не обиделся. Забрал лёгкий чемодан, но папку с ноутбуком оставил ей — заметил, как она прижала её к себе при первом движении.

От причала к дому вела лестница из сорока трёх мокрых ступеней. На двадцатой Руднев остановился и показал на низкое кирпичное крыло.

— Печатная комната. Оттуда пропала коробка старых литер. Жалоба была от Арсеньева, поэтому я здесь. Теперь ветер закрыл переправу, так что ночью вместе со всеми.

— Нашли?

— Коробку — нет. Объяснение, зачем современным авторам тяжёлые буквы, тоже.

Внутри пахло дровами, мокрой шерстью и типографской краской. Администратор Наталья провела Веру через библиотеку. В центре стоял длинный стол, на нём — раскрытая тетрадь под стеклянным колпаком. Не старинная: плотная современная бумага, сшитые вручную секции, тёмно-синяя ткань корешка. Возле колпака лежали семь футляров для ручек.

Вера остановилась не из-за рукописи. Нижние края секций были неровными. У третьей из-под белой бумаги выступала тонкая синяя полоса — будто лист вырезали из другой партии или перевернули обрезом внутрь.

— Не касайтесь, — сказала Наталья. — Даже участникам можно брать дневник только в своё время.

— Кто сшивал?

— Господин Арсеньев заказывал блоки у мастера. Но собираем мы здесь. После каждой страницы добавляем новую секцию и ставим печать.

— Номер страницы ставите до или после?

Наталья посмотрела на неё внимательнее.

— После того, как автор вернёт дневник. А почему вы спрашиваете?

— Потому что до номера порядок защищает только процедура.

В дверях появился Лев Арсеньев. На фотографиях он казался широкоплечим, почти театральным. В жизни был худ, ворот рубашки сидел свободно, а пальцы непрерывно проверяли левый карман пиджака.

— Вера. Всё-таки успели.

Он протянул руку и тут же убрал, увидев её взгляд на дневнике.

— Уже нашли первую аномалию?

— Нашла отличие. Аномалией оно станет, если вы покажете правило, которому не соответствует.

Лев улыбнулся.

— За это я вам и плачу.

— Вы ещё не сказали, за что.

Он предложил пройти в кабинет, но из столовой раздался звонок. Наталья объявила ужин. Лев посмотрел на часы.

— Сейчас все следят друг за другом. После полуночи в архиве. Я покажу вам страницу, которой не мог написать ни один из семерых.

— Тогда покажите сейчас.

— Сейчас она станет спектаклем. Мне нужен свидетель, а не зрительный зал.

Он коснулся левого кармана. Внутри хрустнула бумага.

— И никому не говорите о синем крае, — добавил он.

— Вы его видели?

— Я видел слишком многое после того, как пригласил людей зарабатывать на анонимности.

В столовой ждали семеро. Каждый оставил возле тарелки перьевую ручку, словно входным билетом служила возможность написать продолжение. Вера ещё не знала их голосов, но уже увидела способы молчать: женщина у окна проверяла отражения в стекле; молодой мужчина считал удары дождя; седой критик демонстративно не смотрел на пустой прибор во главе стола.

Приборов было девять: семь для авторов, один для Льва и один лишний.

Вера села на место, которое Наталья поставила сбоку. Лев остался стоять.

— Познакомьтесь, — сказал он. — Вера Алфёрова. Она поможет нам понять, кто именно пишет нашу книгу.

Семь лиц повернулись к ней одновременно.

Только один человек посмотрел не на Веру, а на синий край дневника в соседней комнате.

До первого вопроса Вера успела заметить рассадку. Лев посадил Миру напротив Глеба, хотя они публично спорили о её последнем романе. Алиса оказалась рядом с Тимуром, чью пьесу отказалась экранизировать. Яна сидела между Денисом и Павлом, двумя людьми, работавшими с чужими текстами совершенно по-разному. Это не был дружеский ужин. Куратор расставил конфликты так же сознательно, как приборы.

Возле каждой тарелки лежала карточка с одним правилом. У Миры: «Не объяснять мотив». У Дениса: «Не использовать рифму». У Алисы: «Не описывать увиденное как кадр». У Павла: «Не исправлять чужую страницу». Лев превратил профессиональную привычку каждого в запрет.

— А моя карточка? — спросила Вера.

Он протянул пустой прямоугольник.

— Вы приехали не писать.

— Значит, для меня правила не сформулированы.

— Вы же специалист. Сформулируете сами.

Это был маленький способ переложить ответственность. Вера написала на карточке: «Не объявлять узнавание доказательством» — и положила перед собой. Руднев, проходя к своему месту у двери, прочитал и кивнул.

Лев предложил каждому назвать предмет, который тот взял бы из дома при пожаре. Мира выбрала рукопись без копии, Денис — письмо, Алиса — жёсткий диск, Яна — чужую фотографию, Глеб — книгу с пометами сестры, Тимур — ничего, Павел — договор. Ответы звучали как заранее разложенные будущие улики.

— Вы уже знали их ответы? — спросила Вера у Льва.

— Хороший куратор знает, что человек считает незаменимым.

— Или подбирает вопрос под то, чем собирается управлять.

На мгновение его улыбка исчезла. Затем он объявил, что эксперимент начался задолго до прибытия и любой разговор может стать частью книги. Участники знали об аудиозаписи общих сессий, но не о частном ужине. Алиса немедленно спросила, где микрофоны. Лев ответил, что речь о памяти присутствующих, не технике.

Вера посмотрела на Наталью. Администратор отвела глаза к потолочной решётке.

— Согласие на запись было? — спросила Вера.

— В договоре резиденции, — сказал Лев.

— На конкретные помещения и цели?

— Вы приехали проверять голос, а не юридическую документацию.

— Происхождение материала влияет на то, что с ним можно делать.

Глеб впервые проявил интерес к разговору. Павел, напротив, разгладил салфетку ещё тщательнее. Лев быстро перевёл внимание на дневник и объявил, что сегодня Вера увидит процедуру изнутри.

Пока Наталья разливала воду, Вера спросила её шёпотом, откуда берутся чистые секции. Та назвала печатную мастерскую в городе, но добавила: последние два блока Лев сшил сам на острове. Синий край мог появиться только в старой партии, доставленной до начала резиденции.

Значит, случайная старая секция попала в середину нового дневника намеренно или из-за нарушения хранения. Различие предстояло установить.

Павел Гранин поправил салфетку и спросил:

— Для того чтобы определить автора или для того чтобы назначить виновного?

Глава 2. Правило одной страницы

Лев ответил Павлу не сразу. Он обошёл стол, представил каждого и только потом вернулся к вопросу, как будто изменил его положение в разговоре.

Мира Крылова писала детективные серии и держала руки на виду. Денис Рутов издавал тонкие книги стихов, но за ужином записывал что-то на бумажной ленте от чайного пакетика. Алиса Юн смотрела на говорящего, затем на дверь, словно заранее выбирала следующий кадр. Яна Бережная поправляла чужие неточности в бытовых деталях. Глеб Орлов представлялся критиком без перечисления должностей. Тимур Осеев выслушивал паузы дольше реплик. Павел Гранин назвал себя редактором мемуаров и чужих незаконченных книг.

— Виновного назначает суд, — сказала Вера. — Авторство тоже не назначают. Его можно оценивать с разной степенью уверенности.

— Значит, вы не узнаете нас по запятым? — спросила Мира.

— Если вы все семь специально скрывали голос, запятые скорее покажут общую редактуру.

Павел едва заметно улыбнулся. Лев поднял бокал за честный эксперимент, но никто не поддержал тост словами.

После супа Наталья принесла деревянный ящик. В нём лежали семь запечатанных конвертов с номерами. Лев предложил Вере наблюдать вечернюю процедуру.

— В каждом номер часа, — объяснил он. — Участник получает дневник, уходит в одну из письменных комнат и продолжает текст ровно на одной странице. Подписываться, оставлять прямые биографические метки и обсуждать содержание запрещено. Потом Наталья принимает блок, нумерует страницу и ставит печать на шов.

— Кто видит номер до передачи?

— Я и Наталья.

— Кто имеет запасной ключ от комнат?

— Я.

— Кто хранит чистые секции?

Лев помедлил.

— Печатная комната запирается. Ключи у меня и у Натальи.

Руднев, сидевший у двери с тарелкой остывшего супа, поднял глаза.

— И коробка литер пропала из запертой комнаты.

— Поэтому вы здесь, — сухо сказал Лев.

Первый конверт достался Яне. Она показала номер всем, взяла дневник двумя руками и ушла. Наталья поставила песочные часы. Разговор за столом стал осторожным: любой образ мог через час появиться на странице и быть принят за подпись.

Вера попросила посмотреть чистую секцию. Наталья принесла стопку листов. Они были белыми с сероватым волокном, без синего края.

— Другая партия была? — спросила Вера.

— В начале лета. Синий картон прокладывали между пачками. Иногда край окрашивался.

— Остатки сохранились?

— В кладовой, если Лев не выбросил.

Арсеньев поставил бокал громче необходимого.

— Синий край не влияет на текст.

— На текст нет. На место листа — может.

Когда Яна вернулась, Наталья проверила объём, не читая, проставила номер тридцать семь и прижала к шву маленькую печать. Воск захватил нить и край предыдущей секции. Теперь переставить лист незаметно было трудно. До печати — достаточно вынуть два стежка.

— Автор остаётся рядом во время нумерации? — спросила Вера.

— По желанию.

Яна уже отошла к окну. Она не хотела видеть, как её страница становится частью общего предмета.

Следующий конверт получил Тимур. Он прочитал номер, но не двинулся.

— Если дневник продолжает каждый, почему вы говорите о восьмом? — спросил он Льва.

— Потому что между нашими страницами появился человек, которого мы не приглашали.

— Физически или литературно?

— Разве для книги это разные вещи?

— Для убийства — да, — сказал Руднев.

Слово прозвучало случайным и сразу изменило комнату. Лев рассмеялся слишком быстро. Мира переставила стакан подальше от края. Павел посмотрел на часы.

Тимур унёс дневник. Через сорок минут в доме мигнул свет. Генератор подхватил нагрузку не сразу; семь секунд столовая была тёмной. Вера услышала, как открылась дверь библиотеки, затем щёлкнул металлический язычок.

Когда лампы вернулись, стеклянный колпак стоял на месте. Рядом никого не было. Лев утверждал, что ходил проверить щиток. Наталья — что не выходила из кухни. Руднев записал время перебоя: двадцать один час тринадцать минут.

Тимур вернул дневник за минуту до сигнала часов.

— Свет мешал? — спросила Вера.

— Тьма изменила реплику.

— Какую?

— Ту, которой вам нельзя знать.

Наталья поставила номер тридцать восемь. На её большом пальце осталась синяя пыль.

Вера показала ей след. Администратор побледнела и вытерла руку о фартук.

— Откуда это?

— Я не знаю.

Лев закрыл дневник раньше, чем воск успел остыть.

— Процедура на сегодня окончена.

— Ещё пять авторов не писали, — заметил Павел.

— Они получат время завтра.

— Для того чтобы сохранить случайный порядок, перенос должен быть зафиксирован.

— Вы опять редактируете мои правила.

— Только те, которые вы меняете после начала.

Вера увидела не ссору, а привычный обмен. Павел знал, что Лев нарушает процедуру. Лев знал, что Павел всё равно останется.

На лестнице Вера догнала Наталью. Синей пыли на фартуке уже не было — ткань стала мокрой, будто пятно смывали.

— Кто заходил в библиотеку во время темноты?

— Я слышала шаги.

— Чьи?

— В этом доме семь человек весь день учатся ходить не как они сами.

Наталья отдала ей гостевой ключ.

Перед тем как разойтись, Вера попросила Наталью показать журнал предыдущих тридцати шести страниц. В нём были время выдачи, время возврата, номер комнаты и две подписи. Почти все интервалы укладывались в час. Три выбивались: страница двенадцать вернулась за семь минут, двадцать первая — через три часа, двадцать девятая была принята без подписи автора.

— Двенадцатую писал человек, который отказался? — спросила Вера.

Наталья посмотрела на Льва. Тот уже ушёл из столовой.

— Нам запрещено раскрывать авторство до финала.

— Я спрашиваю не имя. Причину необычного времени.

— Автор сказал, что страница существовала заранее.

— Тогда правило продолжения нарушено.

— Лев разрешил.

Страница двадцать первая задержалась из-за болезни участника. Дневник оставался в комнате три часа без свидетеля. Двадцать девятую Наталья приняла ночью: секция лежала под дверью, а утром Лев потребовал поставить номер.

Яна, услышав число, уронила ложку. Почти незаметно, но Вера связала реакцию с будущей необходимостью. Страница двадцать девять имела для неё значение ещё до убийства.

— Процедура уже содержит исключения, — сказала Вера. — Их нужно записать рядом с правилом, иначе позже любое несоответствие будут считать нарушением автора.

Павел поддержал её и предложил приложение к журналу. Наталья принесла чистый лист. Он сформулировал три исключения ровно, без оценки, затем добавил: «Настоящее приложение не устанавливает виновность участников». Слово возникло до тела во второй раз за вечер.

— Почему все здесь говорят о виновности? — спросил Денис.

— Потому что анонимность превращает сходство в подозрение, — ответил Глеб. — Эксперимент построен не на совместном письме. На распределении вины за текст.

Лев вернулся вовремя, чтобы услышать последнее. Вместо возражения попросил Глеба записать фразу в дневник, когда придёт его час. Критик отказался отдавать спонтанную мысль по команде.

После ужина Вера проверила свою карточку-ключ. Бирка «8» открывала не только комнату, но и боковую дверь библиотеки. Наталья назвала это ошибкой старой системы: гостевой ключ был мастерским до ремонта. Лев знал? Администратор не могла подтвердить.

Вера не стала проверять остальные двери. Передала ключ Рудневу, попросив записать расширенный доступ. Он выдал ей обычный механический ключ и положил карту в пакет.

— Вы могли промолчать и получить преимущество, — сказал он.

— Тогда любое найденное мной позже стало бы результатом скрытого доступа.

— Не все здесь так думают.

— Поэтому нам и нужен журнал.

Они вернулись к библиотеке. Под стеклом дневник выглядел неподвижным, но нить у последней секции ещё не высохла после воска. На поверхности колпака Вера увидела семь отпечатков ладоней на одинаковой высоте и один ниже, ближе к защёлке. Низкий след мог принадлежать Наталье или человеку, который поднимал стекло сидя.

Руднев сфотографировал, не называя отпечаток уликой. Завтра поверхность могли исследовать. Сегодня важнее было зафиксировать существование.

На металлической бирке нового ключа было выбито: «8».

Вера сравнила с мастерской картой в пакете. Номера совпадали, но зубцы — нет. Кто-то заранее приготовил второй ключ с тем же обозначением, чтобы она считала замену обычной.

Руднев забрал и его.

— Сегодня вы ночуете в комнате семь, — сказал он. — А восьмую пока закрываем.

На двери комнаты семь мелом было написано одно слово: «Свидетель».

Глава 3. Восьмое место

Комната номер восемь оказалась не лишней. Она была единственной гостевой комнатой без письменного стола.

Вера проверила шкаф, окно и дверь на соседний балкон. Не искала тайник — лишь хотела знать, какие действия здесь возможны. Из окна был виден двор, печная труба и верхняя половина архивного окна. При вспышках молнии стекло становилось белым, затем исчезало в темноте.

На кровати лежала папка с программой резиденции. Семь фамилий напечатаны одинаково. Под ними оставлена восьмая строка из точек. В ранней версии, продавленной на следующем листе, точек не было.

Вера сфотографировала программу и позвонила Льву по внутреннему номеру. Он не ответил. До полуночи оставалось два часа.

Внизу спорили о лишнем приборе. Глеб требовал убрать тарелку, называя её дешёвой режиссурой. Алиса возражала: дешёвая режиссура тоже работает, если зрители согласились остаться. Денис положил на пустую тарелку чайную ленту со своими записями.

— Теперь место занято, — сказал он.

Мира развернула ленту. На ней было семь коротких описаний дождя.

— Вы записывали нас?

— Только погоду в ваших словах. Яна сказала «крупный». Тимур — «долгий». Павел — «достаточный, чтобы задержать катер».

— А я? — спросила Алиса.

— Вы сказали: «Дождь за окном».

— Это не описание.

— Поэтому я его и запомнил.

Руднев забрал ленту не как улику, а с согласия Дениса сделал копию. Он отмечал время грозы для сообщения переправе. Вера попросила каждого отдельно записать, какой удар грома показался самым сильным и где человек в тот момент находился.

— Мы ещё не расследуем преступление, — сказала Мира.

— Мы фиксируем память до того, как разговор сделает её общей, — ответила Вера.

Павел написал первым. Остальные последовали, чтобы его готовность не выглядела преимуществом. Лев так и не появился.

В двадцать два сорок пять Алиса нашла на проекторе файл без названия. На экране возникла страница дневника, набранная шрифтом, похожим на машинописный. Текст говорил от первого лица: автор наблюдал за семью людьми и крал у каждого по одной фразе, пока не научился звучать как общий секрет.

— Это не моя съёмка, — сказала Алиса.

— Проектор ваш? — спросил Руднев.

— Ноутбук мой. Файл создан сегодня в девятнадцать десять, когда он был в монтажной комнате. Дверь не запиралась.

Глеб прочитал последний абзац вслух и остановился на словах: «Книга получает настоящего автора только после того, как один из остальных перестаёт говорить».

— Угроза, — сказала Яна.

— Рекламная формула, — возразил Глеб.

— Разница появляется после события, — заметила Вера. — До него нужно сохранить обе версии.

Она попросила Алису скопировать файл на чистый носитель. Руднев записал время и контрольные свойства файла, не обещая, что они установят создателя. Павел предложил рас-

печатать страницу. Лев хранил принтер в кабинете, а старый ручной пресс — в печатной комнате.

— Ничего не печатаем, — решил Руднев. — Пока не найдём Арсеньева.

Наталья сказала, что видела его у лестницы после отключения света. Тимур — что слышал его голос из галереи. Мира получила от него короткую записку в двадцать два часа: «Не верьте восьмой странице». Бумага была вырвана из того же гостиничного блока, что лежал в комнате Веры.

— Он заходил ко мне? — спросила Вера.

— Или взял блок раньше, — ответил Руднев. — Не будем выбирать удобное.

Они разделились только после того, как Илья записал пары. Вера пошла с Мирой по верхнему этажу. Писательница открывала двери быстро, но перед каждой называла человека, которого ожидала увидеть. Это была её защита от случайной версии.

В комнате Павла стол был пуст. В мусорной корзине лежали полоски бумаги, все одинаковой ширины. На одной сохранилось: «...для того, чтобы голос...» Запятая после «того» была зачёркнута синим карандашом.

— Можно забрать? — спросила Мира.

— Комната не наша. Сначала Руднев.

— Если Павел вернётся, он выбросит.

— Тогда мы запишем, что видели, и оставим человека у двери.

Мира усмехнулась.

— Вы совсем не ведёте себя как героиня детектива.

— Я редактор. В моей работе эффектный вывод чаще всего означает, что пропущена проверка.

В коридоре погас свет. На этот раз генератор не включился.

Снизу раздался звон разбитого стекла, затем три удара в металлическую дверь. Не гром: слишком ровный промежуток.

Вера и Мира спустились на звук. У архивного крыла уже стояли остальные. Руднев светил фонарём на дверь. Ключ торчал из замка с внутренней стороны, видимый через узкую стеклянную вставку.

— Лев! — позвала Наталья.

Ответа не было.

Тимур поднял руку, останавливая новый удар.

— Слушайте.

За дверью шуршала бумага. Потом что-то тяжёлое скользнуло по полу.

Руднев разбил вставку рукоятью фонаря, отодвинул осколки и повернул ключ. Он велел всем остаться снаружи. Вера увидела через его плечо перевёрнутый стул, раскрытый дневник и ботинок человека за столом.

На девятом, лишнем месте в столовой наверху продолжал светиться проектор.

Текст на экране сменился без прикосновения.

Появилась одна строка:

Руднев вошёл первым. Наталья нашла аварийный фонарь, но руки дрожали так сильно, что круг света прыгал между полом и потолком. Вера попросила её сесть у стены и назвать вслух время, людей рядом и то, чего она не видит. Это не было терапией — только способом не позволить новым догадкам смешаться с первым наблюдением.

Мира хотела войти следом. Илья остановил.

— Вы разрушите следы.

— Он может быть жив.

— Я проверю.

Он подошёл к Льву по свободной полосе пола, не переступая через бумаги. Проверка заняла несколько секунд. По выражению его лица все поняли результат до слов.

Павел стоял дальше остальных, но видел комнату через разбитую вставку. Его взгляд прошёл от тела к столу, затем к пустой кассе и открытому дневнику. Не задержался на отдельном листе. Вера отметила это не как подозрительную невнимательность, а как возможное знание расположения: человек иногда не ищет глазами то, что уже ожидает увидеть.

— Где его левый карман? — спросил Тимур.

Пиджак Льва был расстёгнут. Карман вывернут, но металлической литеры не видно. Пульт лежал на полу под шкафом. Договор отсутствовал.

Руднев связался с врачом по рации. Пока ждал ответа, запретил выключать проектор и трогать ноутбук. Алиса сказала, что экран может перейти дальше автоматически. Илья поставил камеру так, чтобы записывать каждую смену слайда.

— Если там появится имя? — спросила Яна.

— Запишем. Не объявим виновным.

На экране оставалась строка о семерых. Под ней медленно возникал таймер без цифр — только красная полоса, движущаяся к краю. Алиса не помнила такого элемента в своём шаблоне.

— Можно остановить переход без изменения файла? — спросила Вера.

— Отключить проектор от ноутбука. Но потеряем то, что должно появиться.

— И сохраним исходное устройство от новых команд?

— Если команда локальная. Если по сети, ноутбук всё равно получит.

Руднев решил не выбирать между сохранностью и наблюдением вслепую. Алиса подключила внешний экран через разветвитель только для записи сигнала, не касаясь клавиатуры. Сам ноутбук поместили в прозрачный контейнер с доступом воздуха. Красная полоса остановилась за миллиметр до края.

Слайд больше не менялся.

— Значит, переход зависел от внешнего сигнала, — сказала Алиса. — Или программа ждёт действие.

В доме кто-то мог видеть, что финал не сработал, и попытаться отправить команду снова.

Руднев попросил всех положить устройства на видимые места. Глеб отказался первым, затем согласился после фиксации отказа. Павел показал телефон, но планшета при нём не было. Он якобы оставил его в комнате.

— Ключи собраны, — напомнила Вера.

— Дверь не запиралась.

Илья отправил Наталью не за планшетом, а проверить, закрыт ли коридор. Сам предмет мог содержать активную сессию; брать без владельца было рискованно для данных.

Из вентиляционной решётки над архивной дверью донёсся щелчок. Электронный замок снова сработал, хотя дверь уже открыли механически. Пульт под шкафом никто не касался.

— Внешняя команда, — сказал Руднев.

Или заранее заданный таймер. Но в момент щелчка красная полоса на проекторе исчезла.

Экран стал чёрным, затем появилась одна строка:

«Теперь нас действительно семеро».

Алиса немедленно попросила всех вспомнить, кто смотрел на экран в момент второй команды. Ответы разошлись. Мира следила за Рудневым, Яна — за дверью, Денис считал щелчки замка, Глеб утверждал, что смотрел на Павла. Павел сказал, что наблюдал строку с момента появления.

— Но вы стояли спиной к столовой, — сказала Наталья.

— Отражение в стеклянной вставке.

В разбитой вставке отражался только коридорный свет. Экран находился под углом и не был виден. Павел поправил: увидел в окне галереи. Оттуда отражение действительно возможно, если стоять у левой стены. На фотографии он стоял ближе к правой.

Это было первое малое противоречие, но Вера не раздувала. Человек после обнаружения тела мог ошибиться в положении. Важно сохранить версии до общего обсуждения.

Руднев проверил устройства на столе без открытия. Один телефон получил входящее уведомление ровно в момент щелчка. Принадлежал Глебу. Уведомление было от отложенной публикации статьи, не команда замка. Совпадение времени легко выглядело сигналом, пока не увидели содержание.

Телефон Алисы имел активное беспроводное соединение с проектором. Она объяснила: приложение камеры подключалось автоматически. Лог показывал только получение изображения, не отправку команды. Техническое различие сохранили.

У Павла телефон был в авиарежиме. Планшет отсутствовал. У Тимура электронных устройств не было. Мира держала маленький пульт диктофона в кармане, который отказалась показывать сначала из-за записи личных разговоров. Теперь согласилась передать журнал соединений без содержимого. Радиосигналов в нужное время не было.

Наталья вспомнила стационарную панель в своей комнате. Ею можно управлять демонстрационным циклом. Комната находилась запертой, ключ — в общей вазе. Но мастерская карта Веры с номером восемь открывала библиотеку и, возможно, панельный коридор. Карта была у Руднева в пакете с момента ужина. Пломба цела.

— Лев специально выдал её внешнему свидетелю, — сказала Яна. — Если бы карта осталась у Веры, второй сигнал сделал бы её подозреваемой.

— Возможно, — ответила Вера. — Или карта просто старая. Не приписываем ему каждую случайность как план.

Они записали список передатчиков: пульт Льва, панель Натальи, ноутбук, возможно совместимые устройства Алисы, неизвестный радиопульт. Позже проверят код команды. Пока второй сигнал доказывал только существование другого источника или повторителя.

На этот раз никто не мог сказать, что строка возникла только по расписанию. Кто-то в доме продолжал управлять сценой после обнаружения тела — либо Лев заранее создал систему, способную продолжать без человека.

Глава 4. Для того чтобы

Строка на проекторе погасла раньше, чем Руднев успел подняться в столовую. Алиса побежала следом и отключила ноутбук от сети, не закрывая файл. Остальным Илья запретил входить в архивный коридор.

Вера осталась у разбитой двери. Изнутри пахло бумажной пылью и железом. Лев сидел на полу между столом и книжным шкафом, голова была неестественно запрокинута. Рядом лежала латунная касса для наборных литер — почти пустая. Врач на острове отсутствовал, и Руднев не разрешил никому приближаться, пока не поговорил с дежурным по спутниковой рации.

— Признаков жизни нет, — сказал он после короткой проверки. — Время и причину установят специалисты. До их прибытия мы ничего не называем.

Он сфотографировал комнату от двери, затем каждую дорожку между предметами. Вера отмечала то, что можно увидеть без шага внутрь. Дневник раскрыт примерно посередине. На правой странице лежал отдельный лист. Под столом блестело разбитое стекло. Окно закрыто шпингалетом. Ключ оставался во внутреннем замке.

— Запертая комната, — прошептала Мира за спиной.

— Комната с разбитой дверью и неизвестной последовательностью действий, — поправила Вера.

Руднев велел всем перейти в столовую и сесть на прежние места. Наталья принесла свечи. Теперь лишний прибор не выглядел шуткой; пустой стул Льва находился рядом с ним, и никто не решался убрать оба.

Алиса восстановила изображение с автономной копии проекта. Последняя строка была частью заранее настроенной презентации: файл менял слайды по времени. В метаданных значилось создание в девятнадцать десять, но часы ноутбука могли быть изменены.

— Фраза появилась в двадцать три ноль семь, — сказала она. — Переход был запрограммирован.

— Кто мог настроить? — спросил Руднев.

— Любой, кто умеет открыть простую программу. Не обязательно сценарист.

Павел попросил бумагу и составил объявление для участников: не покидать дом, не уничтожать записи, не пользоваться общими компьютерами. Он написал крупно, без помарок, затем перечитал и вставил в первую строку три слова: «для того чтобы».

Вера смотрела не на оборот, а на исправление. Исходная фраза была короче: «Чтобы сохранить материалы...» Павел сделал её тяжелее и формальнее.

— Вы всегда так правите? — спросила она.

— Как?

— Разворачиваете «чтобы».

— Когда нужно отделить цель от случайного следствия.

— В объявлении это нужно?

— Сейчас любое случайное следствие станет чьим-нибудь алиби.

Он прикрепил лист к двери столовой. Вера сфотографировала обе версии по продавленным линиям. Привычка была наблюдением, не подписью. Любопытствующий уже мог её повторить.

Руднев распределил комнаты так, чтобы никто не оставался рядом с печатной и архивом. Двери не запирали: ключи собирали в прозрачную вазу. Участники сдавали телефоны добровольно, но Илья отдельно записал, кто отказался. Отказался только Глеб.

— У вас нет основания изымать устройство, — сказал критик.

— Поэтому я попросил, — ответил Руднев. — Вы можете оставить его у себя и не пользоваться. Если воспользуетесь, зафиксируем.

— Вы доверяете слову подозреваемого?

— Нет. Я даю вам возможность выбрать действие, которое потом смогу описать точно. Глеб положил телефон на стол после этой фразы, не раньше.

Вера попросила всех переписать по памяти строку с проектора. Получилось семь вариантов. Яна написала: «Теперь осталось семеро». Тимур сохранил «действительно», но поставил паузу тире. Денис заменил «нас» на «голосов». Павел воспроизвёл фразу дословно.

— У меня хорошая зрительная память, — сказал он.

— Вы смотрели на экран, когда строка появилась? — спросила Алиса.

Он ответил после короткой паузы:

— Да.

— Нет. Вы были в коридоре. Я видела, как вы шли к архиву за Рудневым.

Павел не спорил.

— Тогда услышал, как кто-то прочитал вслух.

Никто не помнил, чтобы читал.

В половине первого спутниковая связь оборвалась окончательно. Ветер превышал безопасный предел, катер со следственной группой обещали не раньше утра после шторма. Руднев остался единственным представителем власти в доме, но не пытался изображать следственную бригаду.

— Наша задача — сохранить людей и место, — сказал он. — Я буду задавать вопросы, но это не допрос. Вы можете не отвечать. Вера помогает с документами, не определяет виновного по стилю.

На слове «стиль» Павел посмотрел на неё.

Лев обещал показать страницу в полночь. Вера достала его утреннее сообщение и записку, найденную Мирой. Обе содержали короткое «чтобы». Ни разу — «для того чтобы».

Перед расселением Вера предложила зафиксировать не только фразу проектора, но и то, кто первым произнёс каждую версию событий. Через час люди начнут помнить формулировку собеседника как собственную. Руднев включил отдельную аудиозапись с устного согласия присутствующих; отказавшийся мог написать.

Мира первой назвала комнату запертой. Тимур — сценой. Яна сказала, что Лев «не мог выйти». Глеб — что он «не собирался выходить». Разница между невозможностью и намерением была маленькой, но вторая фраза предполагала знание плана.

— Почему вы решили, что не собирался? — спросила Вера.

— В архиве он устраивал финалы. Оттуда всегда выходили только зрители.

— Это метафора или правило помещения?

Глеб признал: метафора. Руднев записал именно так.

Павел описал отдельный лист как «сведённую версию». Он ещё не читал текст вблизи. Термин мог появиться потому, что он увидел полосы днём. Мог — потому, что знал готовый документ.

— Почему не «коллаж»? — спросила Вера.

— Коллаж сохраняет различия. Здесь их старались убрать.

— Кто старался?

— Редактор.

— Вы?

— Любой, выполнявший эту функцию.

Его ответ был точным и ускользающим одновременно. Вера не пыталась победить в диалоге. Записала определение: для Павла редактор — не обязательно человек, а роль, которую может занять любой.

Наталья принесла план помещений и старую инструкцию электронного замка. Пульт имел четыре режима: открыть, закрыть, отложенное закрытие и демонстрационный цикл. Последний синхронизировался с проектором. Лев мог заранее настроить и дверь, и слайды как часть представления.

— Тогда человек после смерти не нужен, — сказала Алиса.

— Для второго срабатывания? Возможно, — ответил Руднев. — Проверим журнал приёмника.

Устройство хранило последние восемь команд. Две пришли в двадцать три ноль семь и двадцать три двадцать одну. Первая — с зарегистрированного пульта Льва, вторая — с неизвестного передатчика. Часы приёмника могли быть неточными, но порядок сохранялся.

Кто-то повторил команду уже после того, как все собрались у архива. Передатчик мог находиться в пустой комнате и работать по таймеру. Или один из людей отправил сигнал незаметно.

Обыск участников без оснований и процедуры Руднев проводить не стал. Попросил добровольно показать карманы; согласились не все. Тимур сразу выложил складной метр и карандаш. Денис — ленту, письмо пока скрывал. Павел — телефон и ключ от чемодана. Мира отказалась, ссылаясь на лекарства. Глеб — принципиально. Алиса показала пульт камеры, внешне похожий на архивный.

Её устройство могло послать радиосигнал, но не нужный код без программирования. Она разрешила упаковать пульт отдельно.

— Теперь любой скажет, что я управляла дверью, — сказала Алиса.

— Только если проигнорирует техническую проверку, — ответила Вера.

— Люди любят игнорировать скучную часть.

— Поэтому скучную часть нужно сделать видимой.

Они вывесили краткий протокол возле объявления Павла: что известно, что предполагается, что не проверено. В графе причины смерти стояло «не установлена». В графе запертой комнаты — «электронное управление возможно извне». В графе автора признания — «не установлен».

Мира прочла и сказала, что такой лист убивает напряжение.

— Сейчас это его полезнейшее свойство, — ответил Руднев.

Вера сравнила сообщение Льва и записку Миры. Помимо короткого «чтобы», в обоих отсутствовали точки в конце отдельных строк. Он писал сообщения как заголовки. В письме Яне, которое появится позже, точки будут стоять аккуратно. Возможно, другой автор. Возможно, влияние редакторского шаблона.

Это ничего не доказывало. Но объясняло, почему Леву понадобился человек, различающий голос и маску: кто-то уже редактировал его речь.

И, судя по второй команде замка, продолжал редактировать ход ночи.

Глава 5. Комната без ключа

К рассвету ветер сорвал наружную антенну. Дом остался без сети, но генератор снова работал. Руднев разрешил Вере войти в архив в бахилах и перчатках — только для описания документов, которых он не мог безопасно перемещать до прибытия специалистов.

Закрытость комнаты оказалась менее совершенной при свете. Над дверью проходил вентиляционный канал, слишком узкий для человека, но достаточный для провода. Запасной выход в печатную комнату был заложен шкафом; на старом плане его ещё обозначали. Ключ внутри замка не исключал ухода другим путём и не доказывал, что дверь запирали погибший.

Руднев начал с простого. Проверил окно, сфотографировал шпингалет, осмотрел пол возле шкафа. Пыль вдоль плинтуса была целой. Тяжёлый шкаф недавно не двигали.

— Значит, не тайный ход, — сказала Вера.

— Значит, пока нет следов движения шкафа. Не будем улучшать результат.

Отдельный лист на дневнике был напечатан на тонкой бумаге. Семь абзацев различались ритмом, но переходы между ними сглаживали повторяющиеся связки. Последняя строка — «Я заставил его замолчать для того, чтобы книга наконец заговорила» — написана от руки синими чернилами.

Вера прочла текст один раз целиком, второй — по предложениям, третий — только служебные слова. Абзац о закрытом окне описывал предметы, которых не было в архиве: солёный налёт, швартовый колокол, отлив под сваями. Автор либо вспоминал другое место, либо пользовался чужим описанием.

— Можем назвать это признанием? — спросил Руднев.

— Только названием документа. Оно сообщает о действии, но не устанавливает, кто написал, когда и относится ли «его» к Льву.

— А почерк?

— Сравнивать должен эксперт на оригиналах. Я могу отметить наблюдаемые различия, не делать идентификацию.

На левом нижнем углу листа блестела прозрачная дуга. Вера наклонила лампу. Лак от чайной капли высох до того, как сверху легла мелкая бумажная пыль. Значит, лист какое-то время находился в столовой или рядом с чашкой, затем попал в архив. Но точного времени это не давало.

Дневник был раскрыт на странице двадцать девять, хотя вчера Наталья проставила тридцать восьмую. В нити между секциями виднелся свежий разрыв. Две печати сохранились целыми, одна была нагрета и снова прижата: рисунок расплылся.

— Кто умеет вскрывать воск? — спросил Руднев.

— Все, кто видел процедуру, — ответила Вера. — Сделать незаметно сложнее. Но здесь не сделали незаметно.

Под столом лежал не бокал, а маленькая стеклянная рамка. В ней прежде хранился образец подписи Льва. Бумажный образец исчез. На стекле остался кусок клейкой ленты и короткий седой волос.

Руднев упаковал рамку. Возле правой ножки стола обнаружилась прямоугольная вмятина в паркете. Она соответствовала углу латунной кассы, но сама касса лежала в двух метрах. Кто-то либо бросил её, либо передвинул после удара.

Лев находился между двумя положениями предмета.

Вера повернулась к книжному шкафу. На корешках папок стояли номера от первого до седьмого. Между шестой и седьмой оставался светлый прямоугольник без пыли — там недавно хранилась восьмая папка.

— У проектора есть беспроводной пульт? — спросила она.

— Алиса сказала, переход был по времени.

— Я спрашиваю не про этот переход.

Руднев нашёл в ящике два пульта. Один управлял проектором, второй — электрическим замком архивной двери. Замок установили внутри старого корпуса и сохранили обычный ключ как резерв. Провод от приёмника уходил в вентиляцию.

Закрытую дверь можно было запереть снаружи.

— Кто знал? — спросил Руднев.

— Тот, кто устанавливал, — сказала Вера. — И тот, кто видел пульт.

На обороте устройства белой краской было написано «Л. А.». Рядом — царапина в форме буквы Ж.

Они закончили осмотр через сорок минут. Перед выходом Вера посмотрела на тело Льва, уже закрытое чистой тканью. Вчера он хотел управлять моментом раскрытия. Теперь каждый предмет в комнате управлял рассказом о нём без его согласия.

В коридоре ждали семеро. Руднев показал пульт и спросил, кто видел его раньше.

Шесть человек ответили отрицательно.

Тимур сказал:

— Я видел, как Лев запирает дверь из столовой. Но думал, это свет.

— Когда?

— Вчера после ужина.

— Почему не сказали ночью?

Тимур посмотрел на свою ладонь. На ней была свежая неглубокая царапина.

— Потому что тогда пришлось бы объяснить, зачем я смотрел в его карман.

Руднев не принял ответ как финальный. Попросил Тимура дожидаться отдельной беседы и запретил обсуждать пульт с остальными. Но слово уже услышали все; тайна стала общей и начала менять воспоминания.

Перед выходом из архива Вера составила схему видимых документов. В верхнем ящике стола лежали договоры, в нижнем — старые тетрадные секции. На полу возле тела — одна полоска синего картона. Если Лев сам открыл дневник, картон мог выпасть при перелистывании. Если другой — стать закладкой.

Руднев осветил полоску сбоку. На ней были две вдавленные цифры: 2 и 9. Кто-то использовал картон как подложку при нумерации страницы двадцать девять. Та самая страница теперь отсутствовала.

— Наталья ставила номер на этом месте? — спросил он.

Администратор не помнила. Обычно под дневник клали войлочную салфетку. Синий картон мог использовать Лев отдельно, если нумеровал без неё.

В журнале страница двадцать девять принята без подписи автора. Лев настоял на номере утром. Вера увидела возможную цепь: он сам изготовил или подменил секцию, поставил номер на синей подложке, затем использовал её в своём сценарии. Но кому принадлежал текст, пока неизвестно.

Они проверили стеклянную рамку подписи. На клейкой ленте сохранились бумажные волокна двух типов: плотные от образца и тонкие от отдельного листа признания. Возможно, исчезнувшую подпись прикладывали для копирования. Седой волос мог принадлежать Льву или Глебу; без анализа имя не давал.

Вера заметила на внутренней стороне рамки след чайного лака. Значит, тот же временный клей использовали при монтаже подписи. Операция была подготовленной, не случайным решением после удара — если банку не принесли ночью.

— У Льва был план подделать собственную подпись? — спросил Руднев.

— Или показать, как легко её подделать. В обоих случаях он создал инструмент, которым мог воспользоваться другой.

В отдельном шкафу лежали семь конвертов с ответами участников на вопрос: «Какую фразу нельзя приписывать вам ни при каких обстоятельствах?» Лев собирал не только узнаваемые голоса, но и границы, нарушение которых вызовет сильнейшую реакцию.

Руднев не вскрывал конверты. Они могли быть частью проекта и не иметь прямой связи с убийством. Опечатал шкаф до решения следственной группы.

— Но там может быть признание, — сказала Мира из коридора.

— Там могут быть личные тексты семи живых людей, — ответил Илья. — Возможность пользы не отменяет основания для доступа.

Вера запомнила эту границу. Расследование легко становилось продолжением метода Льва: открывать чужое, потому что история требует ответа.

На столе возле стакана лежал квадрат чистой промокательной бумаги. На нём проступала зеркальная последняя строка признания, но только её середина: «...молчать для того, чтобы книга...». Концы не отпечатались. Строку промокали, пока лист лежал на неровной поверхности или был частично закрыт другим предметом.

Под промокашкой обнаружился след от края латунной кассы. Значит, рукописную строку писали рядом с кассой до того, как её отбросили к стене. Либо кассу поставили на промокашку позже.

— Порядок опять двоятся, — сказал Руднев.

— Пока да. Но теперь есть физические отношения, которые можно проверить по слоям. Они сфотографировали и оставили на месте.

В коридоре Тимур ждал у окна. Он признался Вере, что полез в карман не только за пультом. Лев сказал ему: в левой стороне лежит «буква, которой закончится книга». Тимур решил, что это ключ к договору или очередное упражнение.

— Он хотел, чтобы я поранился?

— Я не знаю его намерения. Знаю, что он сообщил вам место предмета.

— Если я скажу это остальным, они решат, что Лев сам раздал нам орудия.

— Поэтому сообщите Рудневу дословно, отдельно от вывода.

Тимур сделал. В протокол вошли слова, а не готовый смысл.

Комната без ключа оказалась полна заранее приготовленных способов открыть чужую историю. Самой трудной задачей было не войти во все сразу.

Глава 6. Семь алиби

Руднев проводил беседы в зимнем саду. Стеклопанная крыша дрожала от дождя, и каждому приходилось говорить громче обычного. Вера сидела сбоку, отмечая не «признаки лжи», а проверяемые утверждения: время, место, действие, источник знания.

Первой пришла Мира.

— В двадцать два десяти я получила записку Льва, — сказала она. — Потом была в комнате до крика.

— Кто видел вас?

— Никто. Это же закрытая резиденция, не детский лагерь.

— Что вы слышали?

— Гром. Один удар прокатился по крыше, как шкаф на верхнем этаже.

— Время?

— Около половины одиннадцатого.

В её письменной версии самый сильный гром случился после отключения генератора, то есть позже. Мира объяснила расхождение тем, что без часов порядок звуков смешался. Возможное объяснение, но не подтверждение.

Денис утверждал, что стоял в галерее и слышал три металлических удара. Он описал промежутки как две короткие строки и одну длинную. По записи генератора первый полный сбой произошёл в двадцать три ноль две. Денис считал удары до сбоя, хотя остальные услышали после.

Алиса была у проектора. Камера её ноутбука автоматически снимала стол каждые пять минут для рабочего дневника. На кадре двадцать два пятьдесят пять она сидела одна. На следующем кадре помещение пустовало.

— Я пошла искать Льва, — сказала она. — Вернулась, когда погас свет.

— Где искали?

— У кабинета и на лестнице.

— К архиву подходили?

— Нет.

Яна находилась в кухне с Натальей до двадцати двух сорока. Обе подтвердили. После Яна ушла в комнату, но по дороге видела человека в длинном сером пальто у печатного крыла.

— Мужчина?

— Пальто мужское. Человека со спины я не определяю.

— Чьё пальто?

— Похожее носит Павел.

Она сформулировала аккуратно, но при повторе сказала «Павел стоял». Вера вернула её к первой версии. Память уже начинала заменять силуэт именем.

Глеб не скрывал, что выходил во двор.

— Курил у печной трубы.

— Наталья говорит, вы не курите.

— Отсутствие привычки не запрещает единичный поступок.

На его одежде пахло дымом, но не табаком. Правый манжет был испачкан чёрной пылью. Глеб назвал её сажей от стены.

Тимур признался, что взял у Льва пульт, когда тот оставил пальто на спинке стула. Хотел открыть архив и забрать договор.

— Открыли?

— Нажал кнопку. Свет на пульте загорелся, дверь не щёлкнула. Я вернул его до десерта.

— Откуда царапина?

— В кармане лежала металлическая буква.

— Какая?

— Не разглядел. Две перекладки, острые края.

Ж или К, подумала Вера, но не сказала. Тимур мог знать о пропавшем наборе и создавать полезную форму задним числом.

Павел пришёл последним. До двадцати двух тридцати он якобы редактировал свою прежнюю страницу. Затем прошёл в библиотеку, увидел пустой колпак и отправился искать Наталью. Возле архива оказался уже после крика.

— Алиса видела вас в коридоре раньше Руднева, — сказала Вера.

— Она видела движение. В темноте люди достраивают лица.

— Яна видела пальто.

— Моё висело в прихожей.

— Вы проверяли?

— После того как включили свет. Оно было там.

— Значит, до этого его мог взять другой человек.

— Именно.

Павел строил ответы так, будто редактировал протокол в момент произнесения. Он редко отрицал факт целиком — расширял множество объяснений.

— Какой удар грома вы запомнили? — спросил Руднев.

— Тот, после которого на кухне упала крышка.

Наталья сообщила, что крышка упала в двадцать два тридцать семь, ещё до полного сбоя. В письменной версии Павел расположил самый сильный гром после появления строки на проекторе, то есть около двадцати трёх семи.

— Я не смотрел на часы, — сказал он.

— Но строку воспроизвели дословно, хотя не видели, — напонила Вера.

— Возможно, я всё-таки видел экран из двери.

Это была уже третья версия источника одной фразы.

После бесед они разложили семь временных линий на столе. Ни одна не совпадала с другой полностью. Однако различия не образовывали семь независимых алиби — только семь способов скрыть перемещения.

Руднев отметил три опорных события: первое мерцание в двадцать один тринадцать, падение крышки в двадцать два тридцать семь, остановку генератора в двадцать три ноль две. Строка появилась в двадцать три ноль семь. Архив открыли в двадцать три двенадцать.

— Если презентация настроена заранее, убийца мог не быть в столовой к ноль семь, — сказал он.

— И мог рассчитывать, что строка сообщит смысл раньше, чем мы увидим комнату, — добавила Вера.

— То есть заставит нас войти уже с готовым словом «убийство».

До хлопка Руднев провёл ещё одну проверку. Он попросил каждого нарисовать план дома и отметить маршрут без подписей к комнатам. Не ради художественных способностей: люди обычно точнее помнят повороты, чем время, а выдуманный путь часто наследует ошибки общей карты.

Мира нарисовала две лестницы, но забыла дверь в печатное крыло, возле которой якобы не была. Денис добавил нишу галереи. Алиса отметила камеры и слепые зоны. Яна вывела маршрут через кухню. Глеб нарисовал наружную тропу. Тимур — только места, где останавливался. Павел сделал самый точный план, включая служебную лестницу из подвала, хотя утверждал, что ею не пользовался.

— Откуда знаете этот проход? — спросил Руднев.

— Из схемы эвакуации.

Схема висела у главной лестницы, но служебный путь на ней был закрыт серой плашкой «персонал». Павел сказал, что видел старый план в договоре резиденции. Наталья подтвердила: приложение действительно рассылали участникам. Другие его не читали.

Знание маршрута не доказывало движение. Оно показывало, что Павел имел возможность построить путь вне камер раньше остальных.

Вера сравнила описания звука. Трое называли металлический удар «стуком в дверь» только после того, как увидели разбитую вставку. В первых письменных версиях Денис писал «труба», Яна — «касса», Тимур — «реплика металла». Общий разговор уже заменил три образа одним.

— Поэтому дальнейшие воспоминания нужно хранить рядом с первой версией, — сказала она. — Не как доказательство лжи, а как историю изменения.

Мира возразила: любой человек уточняет рассказ после новых фактов. Вера согласилась. Опасность возникала, если уточнение забывает свой источник и выдаётся за первоначальное восприятие.

Руднев поставил на стол семь конвертов. Каждый мог дополнить алиби, но должен был отдельно указать, что узнал после первого рассказа. Павел не добавил ничего. Алиса записала, что теперь считает шаги у кабинета мужскими, хотя раньше пола не называла. Яна зачеркнула имя Павла рядом с пальто и вернула «неизвестный силуэт».

Глеб отказался писать, пока не вернут телефон. Руднев разрешил пользоваться устройством в присутствии свидетеля для звонка адвокату, но связь отсутствовала. Критик всё равно открыл заметки. На экране Вера увидела время создания последнего файла: двадцать два сорок три. Заголовок — «Лидия: оригинал у печи».

— Вы ходили к печи раньше, чем сказали, — заметил Руднев.

Глеб закрыл экран.

— Я записал намерение, не действие.

— Тогда покажите содержание или сохраните отказ.

Он выбрал отказ. Это не означало вину, но разрушало его точную временную границу. Вера добавила на схему: «22:43 — создана заметка, смысл не проверен».

Участники начали понимать, что честный протокол не обещает немедленного оправдания. Он сохраняет и неудобные неизвестности.

На верхнем этаже хлопнула дверь.

Глеб вернулся без разрешения в свою комнату. Когда Руднев поднялся, критик стоял у открытого окна. Внизу, возле печной трубы, по мокрым камням текла чёрная вода.

В руке у Глеба оставался один обгоревший угол рукописи.

Глава 7. Признание каждого

Глеб не бросил последний фрагмент в окно. Положил его на подоконник и отступил.
— Это не дневник, — сказал он.

На обгоревшем углу сохранились машинописная строка и карандашная помета Льва. Глеб утверждал, что рукопись принадлежала его сестре Лидии Орловой, умершей двенадцать лет назад. Неопубликованный роман оказался основой книги, которую Арсеньев позже выпустил под именем другого автора.

— Вы нашли доказательство и сожгли? — спросил Руднев.

— Я сжёг копию. Оригинал спрятал.

— Где?

— Скажу, когда приедет адвокат.

Его мотив касался Льва, но чёрная пыль на манжете теперь имела простое объяснение. Простое не означало истинное. Руднев запечатал фрагмент и вывел Глеба из комнаты.

Вера вернулась к отдельному листу. Чтобы не заражать чтение общим обсуждением, она выдала семерым копии без последней рукописной строки. Каждый должен был подчеркнуть только те обороты, которые помнил из собственных прежних текстов, и назвать источник, если мог.

Мира узнала конструкцию «дверь была закрыта не от меня, а для меня» из неопубликованной главы, отправленной Льву неделю назад. Денис — сравнение тишины с «пустым размером между строками». Алиса отметила фразу «камера остаётся, человек выходит». Яна узнала точное описание скатерти из личного очерка. Глеб — антитезу о великом замысле и мелком поступке. Тимур — ремарку в скобках: «не отвечает, потому что ответ уже вошёл». Павел подчеркнул только связки между абзацами.

— Собственных фраз нет? — спросила Вера.

— Редактор редко узнаёт себя по материалу. Скорее по швам.

— Эти швы ваши?

— Могли бы быть.

Все семь источников находились на сервере резиденции, доступном Льву. Часть видел Павел как общий редактор. Остальные участники не должны были иметь полного доступа.

— Значит, признание сделал Арсеньев, — сказала Мира.

— Значит, он мог получить все фразы, — ответила Вера. — Автор монтажа пока не установлен.

Она попросила показать оригинальные файлы. Алиса нашла локальную копию. Денис — письмо с вложением. У Яны документ существовал только на сервере, который теперь не отвечал. Фразу Миры нашли в двух версиях: в ранней было «заперта от меня», в поздней — «закрыта не от меня, а для меня». Позднюю правку внёс пользователь с учётной записью Павла.

— По просьбе Льва, — сказал он. — Я правил весь пакет.

— Тогда вы видели больше исходных фраз, чем остальные.

— И Лев видел.

— Да.

Вера не позволила комнате услышать обвинение там, где была только общая возможность.

Руднев принёс прозрачный пакет с отдельным листом и включил боковой свет. Чайный след оказался двойным: большая высохшая дуга и маленькая капля поверх бумажной пыли. Первая появилась до переноса в архив, вторая могла возникнуть позже.

Наталья вспомнила, что вчера в шестнадцать часов Лев пил крепкий чай в столовой и раскладывал распечатанные полоски. Она убрала чашку, но листов не читала. Павел сидел напротив и проверял корректуру.

— Признание существовало днём? — спросил Илья.

— Как минимум бумага с частью монтажа могла лежать рядом с чаем, — сказала Вера. — Нужно сравнить форму следа с посудой и слои под увеличением.

Наталья принесла чашки. У одной скол на ободке совпадал с разрывом дуги. Чашкой пользовался Лев. Маленькая капля имела более узкий радиус — вероятно, от стакана из архива.

— Два времени, — сказал Тимур. — Один лист до смерти и после.

— Возможно, — ответила Вера.

Яна потребовала прочитать рукописную строку. Руднев отказался до фиксации почерка, но смысл уже слышали ночью. Каждый записал, узнаёт ли формулировку. Павел снова воспроизвёл её точно. Мира вспомнила только «заставил замолчать». Денис — «книга заговорила».

Глеб посмотрел на Павла.

— В этой фразе весь ваш труд. Сделать чужое молчание литературным достижением.

— А в вашем — превратить личную ненависть в метод критики, — ответил тот.

Спор мог уничтожить различия быстрее любого редактора. Вера остановила его просьбой назвать факты. Глеб знал, что Павел редактировал книгу, присвоенную у Лидии. Павел утверждал, что получил текст без сведений о происхождении. Лев хранил исходник.

У каждого возникала причина заставить Льва замолчать. Признание работало не потому, что указывало на одного. Оно предлагало каждому собственную вину.

После первого чтения Вера устроила обратную проверку. Она взяла семь нейтральных фраз из хозяйственного журнала и попросила участников переделать каждую «как для общего дневника», не стараясь скрывать привычку. Затем смешала их с семью фрагментами признания и отдала копии без имён.

Результат оказался отрезвляющим. Мира уверенно приписала себе чужую переделку. Денис узнал собственный ритм в строке Натальи. Павел верно определил пять редакторских операций, но только двух исходных авторов. Глеб назвал фразу Тимура «очевидно павловской», потому что уже подозревал редактора.

— Мы не узнаём себя надёжно, — сказала Яна.

— Мы узнаём ожидание о себе, — ответила Вера. — И контекст меняет уверенность.

Она сохранила результаты как предупреждение против будущих атрибуций. Упражнение не имитировало экспертизу: мало материала, люди знакомы друг с другом, условия искусственные. Зато показывало конкретной группе предел их интуиции.

Павел попросил посмотреть свои ошибки. Он не защищался, а анализировал: в двух случаях принял лексический выбор за авторство, хотя выбор внёс редактор; в третьем полагался на длину предложения. Вера увидела профессиональную дисциплину, которая делала его опасным противником и не обязательно убийцей.

— Вы учитесь на проверке быстрее остальных, — сказала она.

— Это работа редактора.

— Менять метод или менять текст так, чтобы метод не сработал?

— Разницы нет, если цель — хорошая книга.

— В расследовании есть.

Разговор услышал Глеб и потребовал приобщить фразу. Руднев записал, но отметил контекст: абстрактный спор, не признание в подделке. Отрезанная цитата уже стала бы маленьким вариантом Автора 8.

Наталья принесла список доступа к серверу. Помимо Льва и Павла, временные учётные записи имели Алиса для видео и Тимур для сценических материалов. Мира отправляла файлы

через Льва, Яна — через защищённую почту, Денис приносил бумагу, Глеб не сдавал текстов добровольно. Значит, полный цифровой доступ формально был у четверых, а физический — у администратора.

— Вы читали? — спросила Яна Наталью.

— Проверяла названия и размер, не содержание.

— Это невозможно доказать.

— Да.

Наталья не требовала доверия. Показала журнал действий: копировала файлы без открытия в редакторе, но дважды система создавала миниатюры автоматически. Через них можно было увидеть первые строки. Одной из них была фраза Яны.

Круг знания расширился технически, не морально. Программа показывала текст человеку, который не собирался читать. Ответственность за последующее использование всё равно зависела от действия.

Вера перевернула копию. На обороте под косым светом проступили продавленные буквы с другого листа: «Папка 8. Финал после реакции».

Лев планировал показать признание до своей смерти.

Руднев попросил каждого ответить на новый вопрос: если Лев планировал показ, кто знал время и последовательность? Мира знала только вечер финала. Денис — что будет чтение. Алиса настраивала проектор, но получила файл без последнего слайда. Яна не знала ничего. Глеб ожидал скандал. Тимур видел пульт. Павел работал с фразами. Наталья проверяла помещение.

Ни один не признавал полного знания. Но полный доступ не требовался одному человеку заранее: части можно было собрать по разговорам и документам.

Вера нарисовала матрицу. Алиса знала технику, Павел — текст, Наталья — доступ, Тимур — пульт. Лев распределил функции так, что каждый участник владел фрагментом и мог подозревать остальных. Убийца либо один из них с дополнительным знанием, либо человек, использовавший чужие устройства.

— Вы опять создаёте восьмого, — сказала Мира.

— Нет. Неизвестное действие не является новым человеком. Мы пока не знаем, как функции соединились.

Это различие было трудно удерживать. Группа хотела назвать пустую клетку, дать ей характер и мотив. Именно так родился бы ещё один Автор 8.

Наталья показала резервный журнал выдачи помещений. За день до смерти Павел бронировал проекторную на двадцать минут для проверки «финального текста». Он сказал, что Лев просил. Подтверждения не было.

— Что проверяли? — спросил Руднев.

— Шрифт признания на экране. Тогда не знал назначения.

— Видели строку о семерых?

— Нет. Только абзацы.

Если это правда, Павел получил технический доступ к презентации и мог узнать расположение файлов. Алиса ранее считала, что он работал только с текстом. Матрица изменилась.

Павел объяснил: вошёл под гостевой учётной записью, файл принёс Лев на носителе, после проверки удалил. Журнал проекторной мог сохранить название. Сервер недоступен.

Вера попросила не называть бронь скрытым доказательством. Она была в обычном журнале и могла быть забыта, а не намеренно утаена. Но Павел на первом вопросе о доступе не упомянул.

— Я отвечал о вчерашней ночи, — сказал он.

— Вопрос был: работали ли вы с проектором в резиденции.

Он перечитал запись и признал: ответ неполный.

Каждое уточнение не делало его автоматически виновнее, но сокращало расстояние между ролью редактора и техникой ночной постановки.

Лев планировал показать признание до своей смерти. Кто-то лишь превратил подготовленную провокацию в объяснение настоящего тела — и для этого мог использовать знания, распределённые между несколькими участниками.

Глава 8. Автор без имени

Папку с номером восемь искали без вскрытия личных комнат. Руднев составил список общих помещений, назначил пары и выдал каждому прозрачные пакеты для найденных бумаг. Никто не работал с близким союзником: Мира шла с Глебом, Яна с Алисой, Денис с Тимуром. Павел остался с Верой.

— Вы считаете меня самым опасным? — спросил он.

— Я считаю, что нам обоим полезен свидетель.

Они начали с библиотеки. Павел снимал книги с полки и возвращал точно на прежнее место. Не читал названия — проверял глубину, на которую задвинут корешок. Вера спросила, чему он доверяет в чужом тексте.

— Повторяющейся ошибке, — ответил он. — Красивую особенность человек может сыграть. Ошибку он защищает как характер.

— А свою?

— Свою замечают другие.

За словарём старых ремёсел обнаружилась ниша, но внутри лежал только ключ от витрины. В столе библиотекаря — карточки выдачи. Папку «8» Лев получал трижды за последнюю неделю и каждый раз возвращал сам себе: в графе читателя и хранителя стояла одна подпись.

— Контроль, который подтверждает себя, — сказала Вера.

— Обычная авторская работа.

— Для черновика. Не для документа, которым собираются обвинять людей.

Павел нашёл в мусорной корзине комок копировальной бумаги. Развернул через пакет. На синем слое отпечатались отдельные слова семерых, расположенные столбцами. Напротив стояли числа от одного до пяти — вероятно, оценка узнаваемости.

— Лев тестировал фразы, — сказал он.

— Или кто-то тестировал от его имени.

— Вы настолько не хотите простых ответов?

— Простота результата не должна появляться раньше проверки.

Павел опустил взгляд на копирку.

— А если проверка всё равно ведёт к Льву?

— Тогда мы придём к нему позднее, но с основанием.

На втором этаже Мира закричала. Они нашли её возле бельевого шкафа с раскрытой тетрадной секцией в руках. Глеб стоял у стены и требовал положить находку в пакет.

— Она была между полотенцами, — сказала Мира. — Это моя страница.

Номер отсутствовал. На нижнем крае шла синяя полоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.